

Гёзалова Н. Р. Политические отношения России и Каджарского Ирана накануне второй русско-иранской войны (1825—1826) / Н. Р. Гёзалова // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 262—275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-262-275.

Gozalova, N. R. (2019). Political Relations between Russia and Qacar Iran on the Eve of the Second Russian-Iranian war (1825—1826). *Nauchnyi dialog*, 9: 262-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-262-275. (In Russ.).

УДК 94(47).073+94(55)“1825/1826”+355.48(47:55)“1825/1826”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-262-275

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КАДЖАРСКОГО ИРАНА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ (1825—1826)

© Гёзалова Нигяр Ровшан кызы (Gözalova Nigar Rövşən qızı) (2019), orcid.org/0000-0002-2749-9556, ResearcherID C-5386-2017, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан), nigar22@gmail.com.

Рассматриваются предпосылки второй русско-иранской войны 1825—1826 годов. Показано, что в течение почти трех десятилетий с начала XIX века Каджарский Иран упорно и настойчиво боролся с Россией за господство на Южном Кавказе, при этом первая русско-иранская война 1804—1813 годов закончилась поражением Ирана и заключением Гюлистанского договора. Отмечается, что, несмотря на мирный договор, напряженность в отношениях двух стран сохранилась, поскольку оба государства остались недовольны его условиями. Цель данной статьи — рассмотреть предпосылки и причины начала второй русско-иранской войны и ответить на ряд вопросов, в частности, можно ли считать нератифицированный Тифлисский договор (1825) по разграничению границ окончательным; являлась ли Великобритания виновницей или подстрекателем второй русско-иранской войны, как утверждается практически во всей советской и российской историографии; почему Британия не оказала обещанной помощи Каджарскому Ирану по Тегеранскому договору 1814 года. Автор приходит к выводу о том, что во второй русско-иранской войне политика Каджарского Ирана имела оборонительный по отношению к России характер и была обусловлена экспансионистскими действиями России в регионе.

Ключевые слова: Южный Кавказ; Русско-иранская война; Гюлистанский договор; Каджарский Иран; Тифлисский договор; внешняя политика России; внешняя политика Великобритании.

1. Тифлисский договор 1825 года

Начало XIX века для Южного Кавказа стало временем решающих изменений политической ситуации. Две русско-иранские войны (1804—1813,

1826—1828) привели к тому, что территории небольших государств региона, прежде находившихся в сфере влияния Османской империи и Каджарского Ирана, были включены в состав российских владений. Толчком к этому стало присоединение к России Карталино-Кахетинского царства (1800) и Имеретинского царства (1810). Продвижение России в Закавказье вызывало естественное недовольство правителей Каджарского государства, что привело к первой русско-иранской войне. Поражения персидских армий и успехи русского оружия привели к подписанию Гюлистанского мирного договора 1813 года, в соответствии с которым ряд ханств Северного Азербайджана был включен в состав Российской империи.

Хотя после заключения Гюлистанского мирного договора военные действия между Россией и Каджарским Ираном прекратились, однако напряженность в отношениях двух стран сохранилась. Некоторое потепление отношений в 1820—1822 годах сменилось новым их обострением. При исследовании причин второй русско-иранской войны большое значение имеют события 1825 года.

Весной 1823 года Каджарский Иран предложил создать совместную комиссию по установлению пограничной линии между Персией (как в то время официально именовалось Каджарское государство) и Россией в соответствии с Гюлистанским договором. Работа комиссии фактически превратилась в переговоры о территориальном размене, несмотря на то, что официально наместник в Грузии и главный управляющий гражданской частью в Астраханской и Кавказской губерниях генерал А. П. Ермолов в своих указаниях уполномоченным комиссарам предписывал «не допускать никаких других видов, кроме одного достижения теснейшего дружества между обеими высокими державами» [АКАК, т. VI, ч. 2, с. 279]. Так как работа комиссии не дала определенных результатов, наследник престола и фактический глава правительства Каджарского государства Аббас мирза посылает в Тифлис для дальнейших переговоров Тебризского беглярбека Фатх Али хана. Тот совершает две поездки в Тифлис и во время второй поездки, в марте 1825 года, добивается достижения так называемых Тифлиских договоренностей об установлении пограничной линии между Россией и Каджарским Ираном. Тифлисский договор, заключенный 28 марта 1825 года между Тебризским беглярбеком Фатх Али ханом и начальником штаба Отдельного кавказского корпуса генералом А. А. Вельяминовым, закреплял за Россией часть северного побережья озера Гейча (Севан), а за Каджарским Ираном — район Кафана (Зангезур — территория Карабахской провинции). Однако район Кафана (один из магалов Карабахского ханства), расположенный на юго-западе Карабаха, хотя и оспаривался

сторонами, но по условиям Гюлистанского мирного договора переходил к Каджарскому Ирану. Тифлисское соглашение можно охарактеризовать как дипломатическую уступку со стороны Каджарского государства [Кавказский сборник ..., 1901, с. 53—56]. Однако Аббас мирза и кадjarский шахиншах Фатх Али шах отказались ратифицировать это соглашение [Там же, с. 78—79], заявив, что новая граница должна проходить по реке Хамза-Чиман, по озеру Гейча и далее через Кафан, Муганскую степь и Талыш [Maziar Behrooz, 2013, p. 12]. Переговоры с российской стороной о границах велись на основе положений, содержащихся в письмах А. П. Ермолова Фатх Али шаху и наследному принцу Аббас мирзе соответственно от 28—30 марта 1825 года, а также Мазаревичу от 2 апреля 1825 года [АКАК, т. VI, ч. 2, с. 305—306, 307—308]. Аббас Мирза стремился добиться от российской стороны уступки в первую очередь территории Ленкоранского ханства, а взамен предлагал Мегринский округ Зангезура, принадлежавший Абу-л-Фатх хану, родному брату бывшего карабахского хана. Такой обмен был весьма выгоден Каджарскому Ирану, но не устраивал Россию. Географическое положение Ленкоранского ханства вызывало беспокойство шахских властей, ибо давало возможность российским войскам в случае войны с легкостью захватить соседние кадjarские территории. Кроме того, не последнюю роль играл тот факт, что уступка этого ханства Каджарскому Ирану лишала бы Россию удобных пристаней на Каспийском море. Российская сторона, отклонив все эти предложения о разграничении, выдвинула новый вариант демаркации русско-иранской границы, изложенный в письме генерал-лейтенанта И. А. Вельяминова Фатх Али шаху от 22 января 1826 года [Кавказский сборник ..., 1901, с. 30—36].

В ответ на отказ Каджаров ратифицировать Тифлисский договор А. П. Ермолов спровоцировал эскалацию военных действий между Россией и Каджарским Ираном, оккупировав области к северо-западу от озера Гейча, относящиеся к Ереванскому ханству [Monteith, 1856, p. 120]. Такие действия главнокомандующего, направленные на обострение отношений, исследователи объясняют тем, что, воодушевившись успехами российской армии в борьбе против горцев Кавказа и «убедившись в неэффективности дипломатии, когда ведешь переговоры с противником на Востоке», А. П. Ермолов захватом этих земель напрямую угрожал последним крупным укреплениям на Южном Кавказе, все еще находившимся под кадjarским влиянием — Нахичеванскому и Ереванскому ханствам [King, 2008, p. 49]. Очевидно, что захват Россией земель вокруг озера Севан весной 1825 года был открытой оккупацией кадjarских владений. Несмотря на все разногласия с шахским двором, британский временный поверенный

в делах в Тегеране Г. Уиллок признал поведение русских агрессией. Более того, оккупация этой территории являлась нарушением с российской стороны Гюлистанского договора и открытой провокацией. Речь идет о землях, расположенных на пути из Еревана в Тифлис, между озером Севан и горой Алагез. Г. Уиллок в своем донесении лорду Д. Каннингу отмечал, что «русские заняли Гейчу, для того чтобы угрожать безопасности Эривани» [Восточный вопрос ..., 1978, с. 83]. Захват этих стратегически важных земель создавал для российских войск возможность угрожать напрямую Еревану и каджарской провинции Азербайджан. Поэтому российская оккупация этих земель рассматривалась каджарской стороной как прямая угроза территориальной целостности Каджарского государства [Maziar Behrooz, 2013, p. 11].

Хотя А. П. Ермолов утверждал, что Тифлисское соглашение было окончательным и могло быть пересмотрено только по воле императора Александра I, однако это соглашение не могло считаться окончательным, пока не было ратифицировано обеими сторонами. А. П. Ермолов в марте 1825 года в своем письме к министру иностранных дел Каджарского Ирана Мирза Абу-л-Хасан хану утверждал, что Фатх Али хан для решения пограничных вопросов вел переговоры, обладая всеми полномочиями, и что территория, приобретённая Ираном, «стоит гораздо больше», чем территория Гейчи, захваченная Россией, наконец, что это соглашение окончательно решает все территориальные разногласия, которые существовали между сторонами после заключения Гюлистанского договора [АКАК, т. VI, ч. 2, с. 304—316]. Как уже отмечалось, Фатх Али шах отказался ратифицировать этот договор, а российское командование отказалось покинуть захваченную территорию, создав тем самым наиболее значительный кризис в русско-иранских отношениях после 1813 года. Иранские исследователи расценивают это событие «как беспрецедентное нарушение дипломатического протокола», которое явилось «не чем иным, как диктатом российского генерала иранскому шаху» [Maziar Behrooz, 2013, p. 12]. Естественно, что такое положение вело к обострению русско-иранских отношений. С начала сентября 1825 года обстановка в районе озера Севан резко обострилась. В письме генерала А. А. Вельяминова на имя Аббас мирзы от 25 сентября 1825 года указывалось, что «Хусейн-хан сердар Эриванский сгоняет караулы наши с Гили, с озера Гокча и с Садага-хача и учреждает поселения в местах, до сих пор российскими войсками занимаемых» [АКАК, т. VI, ч. 2, с. 322]. Тогда же, в сентябре, отряд ереванского правителя Хусейн Кули хана атаковал на берегу Севана российские подразделения полковника Севарсемидзе. А. П. Ермолов, информируя Петербург об этих

нарушениях на границе, просит выделить в свое распоряжение пехотную дивизию [Кюркчян, 1991, с. 31].

Все последующие месяцы 1825 года переписка между двумя сторонами принимала все более резкий, недипломатичный тон, что свидетельствовало о стремительно ухудшающихся отношениях. Пытаясь добиться дипломатического урегулирования, Фатх Али шах приказал своему посланнику Мирза Садах хану Марвази выехать в Грузию и продолжить переговоры с российской стороной. Посол прибыл в Тифлис 23 ноября 1825 года; в связи с отсутствием А. П. Ермолова в городе Садах хан провел переговоры со следующим по рангу генералом А. А. Вельяминовым. К тому времени, как Садах хан прибыл в Тифлис, российские войска заняли уже село Балаглу. Переговоры Садах хана также не дали никаких результатов [Maziar Behrooz, 2013, p. 13]. Одновременно с завершением переговоров, в декабре 1825 года, поступили новости о смерти императора Александра I и восстании декабристов.

Для урегулирования пограничных конфликтов новый император Николай I решил направить в Иран в начале 1826 года светлейшего князя А. С. Меншикова [Русская старина, 1904, с. 65—92]. Перед посольством была поставлена задача: «употребить все старания, чтобы склонить тегеранский двор к окончанию дела о разграничении» [Потто, 1887, с. 55]. Основой для переговоров должен был служить Тифлисский договор 1825 года, но в случае отказа каджарского правительства от этого документа император соглашался ради сохранения мира на уступку южной части Ленкоранского ханства [Утверждение ..., 1906, с. 55]. Главная задача, поставленная перед А. С. Меншиковым Николаем I в секретной инструкции от 11 января 1826 года, гласила, что в условиях надвигающейся войны с Османской империей необходимо сохранить с Каджарским Ираном мир [Потто, 1887, с. 20]. Согласно источникам, российский посол заявил шаху, что по его инициативе российские подразделения ушли из деревни Мирак и этим не допустили военного соприкосновения с отрядом ереванского хана, который, несмотря на приказ Аббас мирзы, не отвел свои войска от озера Севан. А. С. Меншиков предложил шаху обменять южную часть Мегри на занятую русскими прибрежную полосу Севана и объявил о готовности России уступить Каджарскому Ирану Кафан и небольшую территорию в Талыше, южнее реки Бусей. Шах ответил, что эти вопросы неоднократно обсуждались и остались нерешенными, потому что второстепенны по отношению к главному вопросу — уступке Каджарскому государству всего Ленкоранского ханства. Однако А. С. Меншиков ответил, что не имеет полномочий и не может уклониться от Тифлисского

соглашения, заключенного в марте 1825 года. Тогда послу было показано письмо министра иностранных дел К. В. Нессельроде, адресованное министру иностранных дел Ирана Мирза Абу-л-Хасан хану, где указывалось, что посол Меншиков наделен широкими полномочиями [АКАК, т. VI, ч. 2, с. 350—351]. Предложение России считать основой для переговоров Тифлисский договор было отклонено. В подобной обстановке миссия Меншикова была обречена на неудачу.

2. Совет в Султанье

26 июня 1826 года Фатх Али шах созвал заседание дивана в Султанье с участием членов британских дипломатических миссий, аккредитованных в Тегеране и Тебризе, и представителей мусульманского духовенства. Совет в Султанье был созван с целью обозначить дальнейшие действия в случае, если Россия не вернет оккупированные территории Гейчи и Балаглу [Behrooz, 2013, p. 13]. Участникам заседания был роздан *рагам* (начертание, инструкция) шаха, где говорилось о предстоящей войне с Россией. В этот же день глава шиитского духовенства *моджтехид* (богослов) Сейид Мухаммед обнародовал *фетву*, призывающую к «священной войне» против России. В качестве причины войны в этой *фетве* указывалось «самовольное овладение» каджарскими землями со стороны российских военных (а именно захват земель вокруг озера Гейчи по приказу Ермолова) [Эмирханов, 2007, с. 127]. Шах и его окружение, возлагая всю вину на Россию в развязывании русско-иранской войны, заявили, что русские захватили каджарские земли в бассейне озера Гейча, Баш-Апаран и Балуклу, что и стало поводом для начала военных действий [The Asiatic Journal ..., 1827, p. 873].

Министр иностранных дел Персии Мирза Абу-л-Хасан хан в письме А. П. Ермолову 8 марта 1827 года утверждал, что пограничный конфликт между Россией и Каджарским Ираном вызван незаконным, по его мнению, расквартированием частей Отдельного Кавказского корпуса в районе озера Гейча и Абарана [АКАК, т. VI, ч. 2, с. 392—393], которые принадлежали ереванскому хану и являлись территорией Ереванского ханства [Там же, с. 377].

Согласно 2-й статье Гюлистанского мирного договора, Каджарский Иран и Россия имеют право продолжать владеть территорией, на которой они находились во время прекращения военных действий в ожидании определения границы специальной комиссией. Таким образом, Россия, захватив земли Гейчи, вторглась в каджарские территории и была, таким образом, виновна в «агрессии» и начале второй русско-иранской войны.

По мнению майора Монтейта, этот участок земли фактически не важен для Ирана и не подвергает опасности приграничные территории, но он, безусловно, стратегически значим для России при определении границ, а также эти земли использовались местным населением как пастбищные угодья [Monteith, 1856, p. 120]. Джон Малколм отмечает, что «Гейча, не имеющая значимости с точки зрения налогов, является очень важной территорией с военной точки зрения. Ее превращение в российский военный гарнизон поставит под угрозу безопасность Эривани» [Гёзалова, 2017, с. 181] Именно поэтому Каджарское правительство считало недопустимым и крайне опасным удержание этого важного стратегического участка российскими войсками.

В то же время, по мнению некоторых исследователей, Аббас мирза и каймакам Мирза Бозорг (умер в 1822 году) разработали политику в отношении России, направленную на сохранение состояния «ни войны, ни мира». Цель этой политики состояла в провоцировании реальной угрозы российского наступления, сохранении напряженности в отношениях с Россией, чтобы финансовые поступления из Тегерана не прекращались, что, конечно же, способствовало бы укреплению положения Аббас мирзы как наследника престола. Такая политика Аббас мирзы в конечном счете привела к войне, так как именно он был в значительной степени ответственен за создание в Иране антироссийской атмосферы и ситуации, над которой он впоследствии полностью потерял контроль [Avery, 1971, p. 21]. В то же время такой анализ упускает два важных исторических момента: во-первых, недооценен «Ермоловский фактор», и, во-вторых, ошибочно полагать, что именно нежелание Аббас мирзы разрешить территориальные споры привело к нерешенности вопроса о разграничении границ [Maziar Behrooz, 2013, p. 18—19]. По мнению российских исследователей, «Аббас Мирзу больше, чем война устраивало состояние перманентного кризиса в русско-иранских отношениях, из которых он имел возможность извлекать выгоду, лавируя между своим отцом, высшими сановниками, военными, клерикалами, англичанами, русскими, французами. В конце концов, кронпринц стал заложником им же самим созданных обстоятельств и той логики развития событий, над которой он оказался не властен» [Дегоев и др., 2013, с. 266].

В то же время исторические источники свидетельствуют, что действия генерала А. П. Ермолова носили откровенно провокационный характер. Как утверждал герцог А. Веллингтон, не оставляет никаких сомнений «суровость и несправедливость генерала Ермолова» [Ingram, 1992, p. 266]. В своем докладе в Санкт-Петербург генерал И. Ф. Паскевич, преемник

А. П. Ермолова в должности кавказского наместника, также возложил на него всю вину за плачевное состояние дел на Кавказе, в особенности за жесткую политику, приведшую к войне с Каджарским Ираном; он также обвинил Ермолова в искажении фактов, касающихся отношений России с Каджарским Ираном и Британией в тот период [АКАК, т. VII, с. 541]. Британский дипломат Г. Уиллок отмечал неуважительное и непочтительное отношение Ермолова и Мазаровича к наследному принцу и шаху Каджарского государства. В письме каджарского государственного секретаря на имя председателя Совета управления говорится о том, что они даже не передавали корреспонденцию каджарского правительства в Санкт-Петербург [Adamiyat, 1949, p. 140—141]. По мнению А. Веллингтона, российские пограничные власти несут главную ответственность за развязывание войны [Гёзалова, 2017, с. 185]. «Не имея объективной информации об Иране и приграничных районах, местные власти выдавали свои грубые ошибки, как злобную фальсификацию своих противников <...> В результате этого надувательства в Петербурге формировалось ошибочное мнение об Иране» [Atkin, 1980, p. 163]. Таким образом, невозможно оправдать «нечестность» А. П. Ермолова по отношению к Ирану в определении границ. Центральная идея Ермолова заключалась в том, что Кавказ должен стать неотъемлемой частью Российской империи [Baddeley, 1908, p. 159].

Следует подчеркнуть, что в это время вся международная обстановка складывалась крайне неблагоприятно для Каджарского государства. Несмотря на значительный военный потенциал, которым обладала шахская армия по сравнению военными силами в первой войне, вторая русско-иранская война началась в достаточно благоприятный для России момент. В это время Россия поддерживала мирные отношения со странами Востока и Запада, а Османская империя была не в состоянии вести войну против нее.

3. Политика Великобритании на Южном Кавказе накануне второй русско-иранской войны

С начала 20-х годов XIX века международные отношения вокруг Южного Кавказа испытывают на себе прямое или косвенное влияние восточного кризиса, вызванного греческим восстанием. Когда началась русско-иранская война, казалось, что европейская политика вращается исключительно вокруг Восточного вопроса. Министр иностранных дел Великобритании лорд Каннинг пытался поддерживать близкое сотрудничество с Россией по Восточному вопросу [Adamiyat, 1949, p. 153].

Каджарское правительство утверждало, что несправедливая оккупация Гейчи российскими военными дала закономерный *casus belli*, и, сле-

довательно, согласно Тегеранскому договору 1814 года, подняло вопрос о выплате субсидий Великобританией [Hertslet, 1891, p. 6]. Однако каджарское правительство получило ответ, что «британское правительство не считает, что Персия имеет право на субсидии, так как, когда шах начал войну, никаких *casus foederis* не возникло» [Adamiyat, 1949, p. 158]. Очевидно, что в это время поддержка Каджарского Ирана оружием и деньгами была несовместимой с британской политикой в отношении России. Нельзя отрицать, что отказ лорда Каннинга вмешиваться в ситуацию в регионе, несмотря на обязательства по договору, был ярким свидетельством того, что этот регион не стоял в числе приоритетных в британской внешней политике. Современные историки подвергают критике Д. Каннинга за его попустительство политике России в Каджарском Иране и за его молчаливое принятие «азиатской доктрины» Петербурга [Дегоев, 2009, с. 128]. Так, известный иранский историк Ф. Адамият утверждает, что, если бы Каннинг продемонстрировал российскому двору ту же принципиальную позицию, которую он демонстрировал, когда вопрос касался Османской империи, и если бы ему удалось навязать посредничество между двумя сторонами, войны можно было избежать [Adamiyat, 1949, p. 154].

С начала XIX века англо-иранские связи оказались переплетенными с ирано-российскими отношениями. В рассматриваемый период англо-российские отношения были неоднозначны и противоречивы: наблюдается как соперничество и вражда между Великобританией и Россией, так и явное взаимодействие и даже сотрудничество [Алиев, 2004, с. 35]. Британское правительство, решая, чью сторону занять в русско-иранской войне, предпочло сотрудничество с Россией в греческом вопросе, о чем свидетельствуют подписанные Петербургский (1826) а затем Лондонский (1827) договоры. Таким образом, Великобритания отдала предпочтение более важному на тот момент, с точки зрения британских национальных интересов, вопросу. Речь, впрочем, шла не о полном отказе Британии от «долгосрочного, стратегического» партнерства с Каджарским Ираном, а о конкретном решении на этот момент, когда Британия выбрала путь наименьшего риска для своих национальных интересов.

В советской и российской историографии бытует мнение, что, оказывая финансовую помощь Каджарскому Ирану, участвуя в реорганизации каджарских вооруженных сил, поставляя вооружение и реализуя активную подстрекательскую деятельность британских дипломатов, Великобритания спровоцировала вторую русско-иранскую войну. Однако это утверждение требует более детального анализа. Сотрудничество в военной сфере между Великобританией и Каджарским Ираном было одной из важ-

нейших составляющих их отношений. Поэтому в ходе многочисленных британских миссий и посольств в Каджарский Иран вопрос об оказании ему военной помощи был одним из важнейших. Об этом свидетельствуют также масштабные британские военные субсидии, предоставляемые Ирану в первой половине XIX века. Несомненно, оказывая помощь Каджарскому государству в реорганизации его вооруженных сил, англичане прежде всего преследовали цель воспрепятствования проникновению русских на Южный Кавказ. Британские политики рассчитывали, что модернизированная каджарская армия могла также оказать помощь в обороне владений Ост-Индской компании. Эти вооруженные силы должны были стать важным инструментом в осуществлении пробританской политики в Каджарском государстве.

Основной довод советской и российской историографии — это утверждение о поставках Великобританией вооружения Каджарскому Ирану накануне второй русско-иранской войны, основанное на донесениях российских агентов, в частности о том, что осенью 1825 года в Исфахане было выгружено 200 выюков британского вооружения для каджарской армии [АКАК, т. VI, ч. 2, с. 324; Кавказский сборник ..., 1900, с. 111—112], и именно это вооружение использовалось в ходе военных действий. Однако, если разобраться, выясняется, что за это вооружение заплатило в основном российское правительство и предназначено оно было для использования в ходе ирано-турецкой войны 1821—1823 годов [Гёзалова, 2017, с. 141—142]. Достоверно известно, что Великобритания не оказывала никакой официальной финансовой помощи Каджарскому Ирану в ходе его военных действий против России (1826—1828), хотя в последующем оказала каджарскому правительству помощь в выплате контрибуции. Вопрос о подстрекательской деятельности британской дипломатической миссии в Каджарском Иране следует считать столь же уместным, как и рассмотрение подстрекательской деятельности российских дипломатов при каджарском дворе в начале и в ходе ирано-турецкой войны (1821—1823).

5. Заключение

Давая оценку второй русско-иранской войне (1826—1828), установившей полное господство России на Южном Кавказе, следует подчеркнуть некоторые отличия ее от первой войны 1804—1813 годов. Так, в первую русско-иранскую войну Россия захватила азербайджанские ханства Южного Кавказа, которые на момент начала русско-иранской войны сохраняли полную независимость от каджарского шаха. В начале второй русско-иранской войны ситуация была совсем иной, так как

Ереванское и Нахичеванское ханства находились хотя бы в номинальной зависимости от Каджарского Ирана. Поэтому во второй русско-иранской войне политику каджарского правительства следует рассматривать как оборонительную по отношению к России, так как шахское правительство в первую очередь стремилось защитить границы своего государства. Таким образом, все это позволяет нам сделать вывод, что русско-иранская война 1826—1828 годов была предопределена и являлась результатом продолжения экспансионистской политики России в регионе, где российские власти под видом продолжения переговоров с Каджарским Ираном об обмене ряда территорий и установлении четкой границы между двумя государствами фактически захватили новые земли, оправдывая свои действия условиями Тифлиссского договора (1825), не ратифицированного Каджарским Ираном.

Источники

1. АКАК — *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* : Т. 1—12 // Архив Главного управления наместника кавказского / под редакцией А. П. Берже. Тифлис : Тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1866—1904. — Т. VI, часть 2. — 1875. — 954 с. ; Т. VII. — 1878. — 1011 с.
2. *Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы Российского министерства иностранных дел / Министерство иностранных дел СССР, Серия 2 (1815—1830 гг.) ; д-р экон. наук А. А. Громыко (пред.) и др.* — Москва : Госполитиздат, 1960— . — Том VI (XIV). — Москва : Наука, 1985. — 928 с. ; Т. VII (XV). — Москва : Наука, 1992. — 847 с.
3. *Кавказский сборник*, издаваемый с высочайшего соизволения по указанию государя великого князя Михаила Николаевича в бытность его главнокомандующим кавказской армией : в 32 т. — Тифлис : Тип. А.А. Михельсона, 1876—1912 гг. — Т. XXI. — 1900. — 461 с. ; Т. XXII. — 1901. — 335 с.
4. *Русская старина* : ежемесячное историческое издание. — Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1904. — Т. 118, Вып. 4—6.
5. *Утверждение русского владычества на Кавказе : 1801—1901. К столетию присоединения Грузии к России* / под руководством начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н. Н. Белявского, составлен в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора Потто. — Тифлис : Тип. Я. И. Либермана, 1901—1908. — Т. 4, Часть 1. — 1906. — 320 с.
6. *The Asiatic Journal and monthly register for British and foreign India, China and Australasia*. — London : Parbury, Allen, and Co. — Vol. XXIII. January to June 1827. — 902 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алиев С. М.* История Ирана : XX век / С. М. Алиев. — Москва : ИВРАН-Крафт, 2004. — 609 с.
2. *Восточный вопрос во внешней политике России в конце XVIII — начале XIX веков* / под редакцией Н. С. Киняпина. — Москва : Наука, 1978. — 440 с.

3. Гёзалова Н. Р. Место Азербайджана в восточной политике Великобритании в первой трети XIX века / Н. Р. Гёзалова. — Баку : Elm və təhsil, 2017. — 360 с.
4. Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829—1864 гг. Политика, война, дипломатия / В. В. Дегоев. — Москва : Рубежи XXI, 2009. — 560 с.
5. Дегоев В. В. Приз для победителя / В. В. Дегоев, И. И. Стамова. — Москва : МГИМО, 2013. — 455 с.
6. Кюркчян А. А. Русско-иранская война 1826—1828 гг. : новые концепции современной историографии / А. А. Кюркчян. — Ереван : Издательство АН Армении, 1991. — 207 с.
7. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях / В. А. Потто //— Санкт-Петербург : Тип. Е. Евдокимова, 1887. — Т. II. — 728 с.
8. Эмирханов И. А. Иран в восточной политике Англии накануне и в период русско-иранской войны 1826—1828 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / И. А. Эмирханов. — Махачкала, 2007. — 175 с.
9. Adamiyat F. The Diplomatic relations of Persia with Britain, Turkey and Russia 1815—1830 : PhD dissertation / F. Adamiyat. — London : University of London, 1949. — 397 p.
10. Atkin M. Russia and Iran 1780—1828 / M. Atkin. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1980. — 216 p.
11. Avery P. W. An Enquiry into the Outbreak of the Second Russo-Persian War, 1826—28 / P. W. Avery // Iran und Islam, in Memory of Vladimir Minorsky / ed. C. E. Bosworth. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 1971. — Pp. 17—45.
12. Baddeley J. F. The Russian conquest of the Caucasus / J. F. Baddeley. — London : Longmans, 1908. — 518 p.
13. Hertslet E. Treaties, & c. Concluded Between Great Britain and Persia, and Between Persia and Other Foreign Powers : Wholly or Partially in Force on the 1st April, 1891 / E. Hertslet. — London : Butterworths, 1891. — 277 p.
14. Ingram E. Britain's Persian connection, 1798—1828 : prelude to the Great Game in Asia / E. Ingram. — Oxford : Clarendon Press, 1992. — 351 p.
15. King Ch. The Ghost of Freedom : A History of the Caucasus / Ch. King. — Oxford University Press, 2008. — 328 p.
16. Maziar Behrooz. Revisiting the Second Russo-Iranian War (1826—1828) : Causes and Perceptions / Behrooz Mazjar // Iranian Studies. — 2013. — Vol. 46, Iss. 3. — Pp. 1—23.
17. Monteith W. Kars and Erzeroum with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829 / W. Monteith. — London : Longman, Brown, Green and Longmans, 1856. — 332 p.
18. Watson R. G. A History of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858 / R. G. Watson. — London : Smith and Elder, 1866. — 465 p.

POLITICAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND QACAR IRAN ON THE EVE OF THE SECOND RUSSIAN-IRANIAN WAR (1825—1826)

© Gozalova Nigar Rovshan (Gözalova Nigar Rövşən qızı) (2019), orcid.org/0000-0002-2749-9556, ResearcherID C-5386-2017, PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher,

Institute of History of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan),
nigar22@gmail.com.

The background of the second Russian-Iranian war of 1825—1826 is considered. It is shown that for almost three decades from the beginning of the 19th century, Kajar Iran stubbornly and persistently fought with Russia for supremacy in the South Caucasus, while the first Russian-Iranian war of 1804—1813 ended with the defeat of Iran and the conclusion of the Gulistan Treaty. It is noted that, despite the peace treaty, tensions between the two countries persisted, since both states were dissatisfied with its conditions. The purpose of this article is to consider the prerequisites and reasons for the start of the second Russian-Iranian war and to answer a number of questions, in particular, whether the unratified Tiflis Treaty (1825) on border delimitation can be considered final; whether Great Britain was the culprit or instigator of the second Russian-Iranian war, as claimed in almost all Soviet and Russian historiography; why Britain did not provide the promised assistance to Qajar Iran under the Tehran Treaty of 1814. The author comes to the conclusion that in the second Russian-Iranian war, the policy of Kajar Iran was defensive in relation to Russia and was due to the expansionist actions of Russia in the region.

Key words: South Caucasus; Russian-Iranian war; Gulistan Treaty; Qajar Iran; Tiflis Treaty; Russian foreign policy; UK foreign policy.

MATERIAL RESOURCES

- AKAK — Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii, VI (2), VII. (1875, 1878). In: Berzhe, A. P. (ed.) (1866—1904). *Arkhiv Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo*. Tiflis: Tip. Gl. upr. Namestnika Kavk. (In Russ.).
- Kavkazskiy sbornik, izdavayemyy s soyechayshego soizvoleniya po ukazaniyu gosudarya velikogo knyazya Mikhaila Nikolayevicha v bytnost' yego glavnokomanduyushchim kavkazskoy armii*: v 32 t., XXI, XXII. (1900, 1901). Tiflis: Tip. A. A. Mikhelsona. (In Russ.).
- Russkaya starina: yezhemesyachnoye istoricheskoye izdaniye*, 118 (4—6). (1904). Sankt-Peterburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya polza». (In Russ.).
- The Asiatic Journal and monthly register for British and foreign India, China and Australasia*, XXIII. (1827). London: Parbury, Allen, and Co.
- Utverzhdeniye russkogo vladychestva na Kavkaze: 1801—1901. K stoletiyu prisoyedineniya Gruzii k Rossii: pod rukovodstvom nachalnika shtaba Kavkazskogo voyennogo okruga general-leytenanta N. N. Belyavskogo, sostavlenn v Voenno-istoricheskoy otdel pod redaktsiyei general-maiora Potto*, 4 (1). (1906). Tiflis: Tip. Ya. I. Libermana. (In Russ.).
- Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka: dokumenty Rossiyskogo ministerstva inostrannykh del. Ministerstvo inostrannykh del SSSR, Seriya 2 (1815—1830 gg.)*, VI (XIV), VII (XV). (1985, 1992). Moskva: Nauka. (In Russ.).

REFERENCES

- Adamiyat, F. (1949). *The Diplomatic relations of Persia with Britain, Turkey and Russia 1815—1830: PhD dissertation*. London: University of London.
- Aliyev, S. M. (2004). *Istoriya Irana: XX vek*. Moskva: IVRAN-Kraft. (In Russ.).
- Atkin, M. (1980). *Russia and Iran 1780—1828*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

- Avery, P. W. (1971). *An Enquiry into the Outbreak of the Second Russo-Persian War, 1826—28. Iran und Islam, in Memory of Vladimir Minorsky*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 17—45.
- Baddeley, J. F. (1908). *The Russian conquest of the Caucasus*. London: Longmans.
- Degoyev, V. V. (2009). *Kavkaz i velikiye derzhavy 1829—1864 gg. Politika, voyna, diplomatiya*. Moskva: Rubezhi XXI. (In Russ.).
- Degoyev, V. V., Stamova, I. I. (2013). *Priz dlya pobeditelya*. Moskva: MGIMO. Universitet. (In Russ.).
- Emirkhanov, I. A. (2007). *Iran v vostochnoy politike Anglii nakanune i v period russko-iranskoy voyny 1826—1828 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Makhachkala. (In Russ.).
- Gezalova, N. R. (2017). *Mesto Azerbaydzhana v vostochnoy politike Velikobritanii v pervoy treti XIX veka*. Baku: Elm və təhsil. (In Russ.).
- Hertslet, E. (1891). *Treaties, & c. Concluded Between Great Britain and Persia, and Between Persia and Other Foreign Powers: Wholly or Partially in Force on the 1st April, 1891*. London: Butterworths.
- Ingram, E. (1992). *Britains Persian connection, 1798—1828: prelude to the Great Game in Asia*. Oxford: Clarendon Press.
- King, Ch. (2008). *The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus*. Oxford University Press.
- Kinyapina, N. S. (1978). *Vostochnyy vopros vo vneshney politike Rossii v kontse XVIII — nachale XIX vekov*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kyurkchyan, A. A. (1991). *Russko-iranskaya voyna 1826—1828 gg.: Novyye kontseptsii sovremennoy istoriografii*. Erevan: Izdatelstvo AN Armenii. (In Russ.).
- Maziar, Behrooz. (2013). Revisiting the Second Russo-Iranian War (1826—1828): Causes and Perceptions. *Iranian Studies*, 46 (3): 1—23.
- Monteith, W. (1856). *Kars and Erzeroum with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829*. London: Longman, Brown, Green and Longmans.
- Potto, V. A. (1887). *Kavkazskaya voyna v otdelnykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh, II*. Sankt-Peterburg: Tip. E. Evdokimova. (In Russ.).
- Watson, R. G. (1866). *A History of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858*. London: Smith and Elder.